

Ань Тун полуправдиво сказала:

— Я думаю, дядя, у которого есть всего сто му земли и никакого другого дохода, как он может позволить себе наложниц и детей? Откуда у него столько денег?

Староста Ань и Ли Цзиньсю были ошеломлены её словами о «детях» и некоторое время молчали.

— Скажи честно, почему ты вдруг заинтересовалась своим дядей? Это из-за его слов утром? — спросил староста Ань.

— Разве я такая мелочная? Я просто хочу помочь вам с делами семьи!

Староста Ань и Ли Цзиньсю рассмеялись, хотя Ань Тун не углублялась в детали, они всё же запомнили это. Когда он закончит с летним налогом, нужно будет проверить учётные книги.

Ань Тун была уверена, что Ань Мао тайно использовал часть денег благотворительного поместья для ссуд местным жителям. В прошлой жизни его действия были обнаружены, но он утверждал, что использовал свои собственные деньги.

Позже из-за слишком высоких процентов он довёл дело до смерти, и уездный воевода Цзян помог ему избежать тюрьмы. Хотя её отец предложил изгнать Ань Мао из родового храма, старейшина наказал его двадцатью ударами плетью, и на этом всё закончилось.

Результат был очевиден: после её смерти Ань Мао объединился с уездным воеводой Цзяном, чтобы отомстить её родителям и попытался захватить имущество семьи Ань через усыновление. Хотя ему это не удалось, её родители были на грани краха.

Она не хотела, чтобы это повторилось, поэтому она хотела, чтобы Ань Мао и другие злонамеренные члены семьи были изгнаны из родового храма, и не дать Цзянам использовать отсутствие сына у её родителей.

Через две недели после скандала с разрывом помолвки уездный воевода Цзян не только не чувствовал неловкости, но и нагло предложил назначить дату свадьбы раньше. Однако староста Ань, ссылаясь на то, что это был его год рождения, не подходящий для свадеб, отложил дату.

Уездный воевода Цзян знал, что это был просто предлог, но ничего не мог поделать. Затем он начал создавать проблемы старосте Ань с летним налогом, так как староста Ань отвечал за сбор налогов. В прошлые годы многие семьи, не успевшие вовремя заплатить налоги, могли договориться с старостой Ань и заплатить позже. Но уездный воевода Цзян не дал такой возможности, и старосте Ань пришлось самому покрыть недостачу, иначе это было бы его ошибкой.

В то же время при сдаче зерна в государственные хранилища чиновники требовали больше, чем было положено, увеличивая налоги.

Жители деревни Фуцю, давно не сталкивавшиеся с такими поборами, были ошеломлены. Они уже забыли, что такое случалось, благодаря справедливости старосты Ань. Многие жаловались:

— Староста, в этом году и так повысили налоги, зачем ещё больше зерна? Это же три лишних шэна с каждого му!

Староста Ань понимал, что уездный воевода Цзян мстил и давил на него. Для семьи Ань эти потери были незначительны, но недовольство деревни могло стать большой проблемой. Видимо, он был слишком добр и справедлив, и люди забыли, как их раньше притесняли.

В конце концов он сказал жителям деревни Фуцю:

— В следующем году я скажу властям, что уже много лет служу старостой. Пусть теперь кто-то другой займёт эту должность.

Староста был своего рода службой, которую занимали зажиточные семьи, но если они сговаривались с чиновниками, они могли стать угнетателями. Если староста был хорошим, жители жили хорошо, если плохим — страдали.

После слов старосты Ань жалобы уменьшились, так как он был справедлив. Это были чиновники уезда, кто увеличивал налоги.

Раньше Ли Цзиньсю не стала бы помогать, но после того как ей приснилось, что Ань Тун убивают, она пошла в храм молиться, и монах посоветовал ей быть доброй и делать добрые дела. Она немного изменилась.

Она написала письмо своей семье, где были солевые торговцы, попросив их помочь с транспортным комиссариатом, чтобы обратить внимание на ситуацию. Она сделала это ради жителей уезда Таоцзян, а также в ответ на провокации семьи Цзян.

Она не боялась испортить отношения с Цзянами, ведь Ань Тун была их мотивацией для управления семейным делом. Если Ань Тун не будет счастлива, им не нужны были бы даже золотые горы.

Пока деревня Фуцю шумела из-за летнего налога, в городе Таоцзян тоже было беспокойно.

Причиной были дела игорного дома Хуа Дяня. Несколько частных проституток, арестованных ранее, были отпущены из-за недостатка доказательств.

После освобождения они потеряли доверие, и многие клиенты боялись их, опасаясь обмана.

Родственники проституток начали требовать справедливости у Хуа Дяня. Он, потерявший несколько маленьких игорных домов, был зол, и когда они пришли, это стало искрой для конфликта.

Позже Хуа Дянь понял, что так продолжаться не может, ведь он хотел вернуться к своему делу, когда всё утихнет, и ему нужно было сотрудничать с этими проститутками. Поэтому он сменил тактику и начал расследование.

Чтобы не привлекать внимания властей, он не трогал того, кто на него донёс, а начал с других. Через месяц он нашёл следы, указывающие на источник слухов.

Хотя многие знали о его связях с проститутками, никто не осмеливался распространять слухи. Но внезапно все узнали об этом, что было подозрительно.

Ещё через месяц он узнал, что до появления слухов кто-то расспрашивал о проститутках и игорных домах, но не задавал слишком много вопросов одному человеку. Если бы не его люди и городские бродяги, он бы не нашёл того, кто это делал.

— Шестнадцатилетняя девушка? — Хуа Дянь размышлял, глядя на мужчину перед собой.

— Да, мастер из точильной мастерской сказал, что она знает Ли Цзяоцзяо и спрашивала о ней, — ответил мужчина.

— Найди Ли Цзяоцзяо! — приказал Хуа Дянь.

Но из-за ширмы раздался голос:

— Не нужно, спроси её, с кем она имела дело, и ищи, у кого есть дочери шестнадцати-семнадцати лет.

Хуа Дянь спросил:

— Почему дочери?

Голос ответил:

— Даже если они замужем, в этом возрасте они только начинают семейную жизнь и вряд ли будут искать проституток.

Хуа Дянь задумался, а голос добавил:

— Кажется, у тебя уже были такие случаи.

Хуа Дянь напрягся:

— Не может быть, это не мои люди.

— Подумай ещё.

Хуа Дянь долго размышлял, прежде чем сказать:

— Вы имеете в виду...

— Та девушка знала подробности?

Хуа Дянь вспотел:

— Она не проявляла себя столько лет, и с ней была госпожа Ша, которая связана с вами. Я не осмелился тронуть её.

Транспортный комиссариат отправил инспекторов в уезды для проверки сбора налогов, и уездный воевода Цзян перестал шуметь, вернувшись к обычным делам. Он хотел привлечь на свою сторону больше членов семьи Ань через Ань Мао, но тот сам попал в беду.

Неизвестно, почему староста Ань вдруг решил проверить учётные книги благотворительного поместья, но Ань Мао был застигнут врасплох, и его незаконное использование денег поместья для ссуд было раскрыто.